

РАЙ («ЎСТИГИ ОРООН») И АД («АЛТЫГЫ ОРООН») НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДИБАША КАИНЧИНА

У.Н. Текенова

Ключевые слова: рай и ад, образ, меннипея, Дибаш Каинчин, алтайская литература.

Keywords: heaven and hell, image, mennipeya, Dibash Kainchin, Altaian literature.

DOI 10.14258/filichel(2021)3-09

В конце XX — начале XXI в. мифологемарая и ада занимает достаточно заметное место в художественной литературе. Но в литературоведении она остается недостаточно изученной. Неисследованной является эта тема и в творчестве выдающегося алтайского прозаика Дибаша Беруковича Каинчина (1938–2012).

В последние годы жизни писатель стал обращаться к вечным проблемам жизни и смерти, конечности земного существования и бессмертия, вины и расплаты, которые нашли яркое отражение в произведениях с философской тематикой. Появление их в творчестве писателя не случайно. Дибаш Каинчин остро и болезненно переживал уход из жизни родного человека, перемены в жизни страны в конце XX — начале XXI в., размышлял о прожитой жизни и давал всему этому художественную интерпретацию. Именно в этот период в его творчестве углубляется исследование человеческой души, внутреннего мира человека, интуитивное понимание неподвластных разуму глубин сознания, пограничных состояний. Это стало новым явлением в алтайской литературе. Писатель обращается к теме двух миров — земного и потустороннего. В мифологиях всех народов мира концепция потустороннего бытия всегда бинарна и в целом соотносится с привычными для сознания понятиямирая и ада. В художественной системе творчества писателя и даже в отдельном произведении эти понятия могут интерпретироваться по-разному, получать дополнительные смыслы или утрачивать некоторые характеристики. У Дибаша Каинчина появляется авторская концепция образоврая («Ўстиги ороон» — «Верхний Мир») и ада («Алтыгы ороон» — «Нижний Мир»), отражающая традиционное представление алтайцев о Верхнем Мире и преисподней.

Изучение образов рая и ада в произведениях Дибаша Беруковича Каинчина в данном исследовании осуществлено на материале рассказов «Как Болот в космос летал» (1984), «Как Герася у нехристей ночевал» (1986), «Наш счастливый бег...» (2004), «Рай» (2009), «А горы-то остались» (2012).

В работе использованы сравнительно-исторический, структурно-семиотический методы, а также метод комплексного анализа текста.

Как известно, в мифологическом мировоззрении любого народа «картина мира есть некая идеальная модель, создание ее — сверхцель любой культуры» [Сагалаев, 1992, с. 44–45]. В алтайской культуре картина мира включает в себя и земное, и потустороннее. Как они соотносятся? Ответ находим в алтайской загадке: «У двух валухов шкуры равны», то есть две основные части мироздания соразмерны. В фольклоре намечена и форма неба. Это выпуклая чаша или купол, края которого соприкасаются с краями земли. <...> Вместе с чашей неба они образуют некую сферу, заключающую в себе реальный мир человека. Иногда в алтайских героических эпосах говорится, что есть «дно Неба» и «дно Земли» — это точки, наиболее удаленные от земной поверхности. Со дна Неба слышится голос божества, со дна Земли поднимаются наверх Эрлик и его слуги, чтобы вмешаться в жизнь человека. На границе мира, как говорится в шаманской поэзии, стоит черный обгоревший пень. Это «судное место», где встречаются духи Неба и Земли, чтобы решить судьбу человека» [Сагалаев, 1992, с. 45–46]. Именно за краем неба и земли, по представлениям предков алтайцев, находится «*чын Алтай*» — «истинная земля (Алтай)». Это иной мир, мир предков, куда уходит человек после смерти, а духи Неба и земли решают, куда ему направиться дальше — в Верхний мир («*Ўстиги ороон*») или в Нижний мир («*Алтыгы ороон*»).

В творчестве писателя наблюдается особая значимость, позволяющая ему глубже понять человеческую природу, полнее раскрыть душевную и духовную стороны жизни человека через сны, различные видения. Поэтому Дибаш Каинчин часто обращается к таким приемам, как сновидение и родственные им состояния (бред, галлюцинации, видения, возникающие под каким-либо внешним влиянием). Рассмотрим это на примере некоторых рассказов писателя.

Обратимся к рассказу «Как Болот в космос летал» (1984), который отличается от остальных своей «мениппейной природой» и содержит размышления писателя о существующем миропорядке и о человеке. Привлекает интерес вертикальное построение пространства произведения: события происходят на планете Земля и в просторах

Вселенной — в «Верхнем Мире» — «*Ўстиги Ороон*», куда герой перемещается (во времени и пространстве) загадочным образом на спине мифической птицы Улу: «*Есть великая птица Улу. Облетает она луну и солнце, облетает все звезды вселенной. Расставляет их по местам, смотрит за порядком в мире. А зимует великая птица в горах голубого Алтая. Поскольку Земля — средоточье Вселенной, и с первым раскатом грома Улу улетает снова в Айлаткыш — просторы вселенной...*» (Дибаш Каинчин, 2004, с. 90). М.М. Бахтин отмечал, что «мениппея часто включает в себя элементы социальной утопии, которые вводятся в форме сновидений или путешествий в неведомые страны» [Бахтин, 2002, с. 133], и мы наблюдаем это в изображении путешествия Болота. Рассказ проникнут глубокими философскими раздумьями о мире, о человеке, в нем отражается традиционное мифологическое представление алтайцев о «трехплановом» построении мира: Подземный мир — Средний Мир — Верхний Мир как «философский универсализм мениппеи» [Бахтин, 2002, с. 131]. Дибаш Каинчин включает в произведение характерный для мениппеи «особый тип экспериментирующей фантастики» — «наблюдение с какой-нибудь необычной точки зрения, например с высоты, при котором резко меняются масштабы наблюдаемых явлений жизни» [Бахтин, 2002, с. 133]. Дибаш Каинчин возносит своего героя над Землей:

Как красив, как величествен, как высок и страшен Алтай! От удивления даже забыл Болот, что улетает неизвестно куда, и кто знает — вернется ли, останется ли в живых. «С такой высоты никто еще не видел Алтай, — и подумал, — если увидел такое — можно и помереть».

Горы, горы, горы...

Великие горы, горы — властители, горы — мудрые старцы... <...> Не зря говорили люди: «Алтай — пуп Земли, средоточие мира (с. 93)¹⁶. В рассказе соотносятся земная жизнь и бытие Вселенной, дается оценка миру и деятельности человека. Главный герой Болот из рода очы — представитель Среднего Мира. О существовании Подземного Мира становится известно из размышлений главного героя о таинственных Дверях, разделяющих два мира:

...Только через них можно попасть в нижний мир, во владение злого Эрлик-Бия, который, усы свои за плечи закинув, ездит по черной реке без весла. Может это и есть те самые двери? Как бы тут не свалиться ненароком, как бы не скатиться в нижний мир! (с. 89).

¹⁶ Здесь и далее в круглых скобках приводятся ссылки на цитаты по изданию (Дибаш Каинчин, 2004).

Болот в погоне за раненым козлом оказывается на вершине священной горы Сюмер-Туу. Здесь он замечает загадочное отверстие — яму, окруженную цветами среди зимы. Ему не по себе, но любопытство берет верх: *«стоять у приоткрытых дверей и не узнать — что там за ними — разве это возможно? А если... Ну что же, все мы смертны, всех один конец ждет... Недаром говорят: конь не золотой, когда-то суждено ему пасть, мужчина не бессмертен, когда-то суждено ему погибнуть»* (с. 90). Болот хотел только заглянуть в отверстие ямы, посмотреть, но все же свалился в нее и оказался на спине гигантской спящей птицы. Пробудившись с первым весенним громом от сна, птица летит по Вселенной, а вместе с ней, на ее спине, летит и Болот. В Верхнем Мире Болот оказывается чужим и невидимым: его не встречают, не приветствуют, даже не замечают, что появился земной человек. Только «учюяла» «черная собака» (*«над глазами собаки два светло-коричневых пятна»*) и шаманка. Рассказ приобретает, если воспользоваться выражением М.М. Бахтина, «символический или даже мистико-религиозный» [Бахтин, 2002, с. 129], что проявляется в воспоминаниях героя об алтайском поверье, услышанном из уст мудрого старца:

...Четырехглазые собаки, — прозвучал в ушах у него голос старого сказителя, — они всевидящие, всезнающие. Бога, спустившегося с небес, увидят, и черта, вылезшего из-под земли, заметят... (с. 96).

Сочетая реалистические картины и жизненные черты с мифическими, автор изображает «Верхний мир» (другую планету) как зеркальное отражение Земли — с противоположным знаком. На этой планете все устроено, как на земле: «юрты», «коновязи», «табун лошадей, стадо коров, ...десяток верблюдов, ... овцы, ... сторожевой баран, ...монгольские волкодавы». Юрта также делится на мужскую и женскую половины, но в мужской половине находятся женщины, что говорит о том, что Женщина — глава семьи (что и подтверждается дальнейшим развитием событий). Мужчины — в женской половине юрты и выполняют женскую работу, Отличие от земных людей — *«кушаки у всех затянуты под мышками»*. Болот вспоминает слова старого сказителя о том, что *«так носят кушаки только в верхнем мире»* [Теменова, 2012, с. 128]. Здесь, как и на земле, существует своя сословная иерархия. Рассказ «насквозь пронизан живым дыханием земного человеческого мира, его нормами, идеалами, заботами, полон размышлений мирского характера, реальной борьбы добра и зла» [Рабош, Солдатов, 2014, с. 38]. Впечатления героя о рае противоречивы (и это совпадает с авторской позицией), а все люди этой райской планеты, животные и предметы обладают необычными свойствами и способностями. Болот пе-

ремещается здесь очень легко: он только оттолкнулся «*большим пальцем ноги, а прыгнул на двадцать локтей*». Его прикосновение к человеку этой планеты вызывает сильный электрический разряд, при прикосновении к еде в ней появляются черви. Реализован и мотив превращений. Например, в юрту заходит девушка-шаманка «невиданной красоты», а выходит древняя старуха «с третьим глазом» на лбу и т.д. Неоднократно проявляется контраст земного и небесного. Например, если на земле Алтая существует ритуал окропления молоком из чаши, то на этой планете шаманка из чаши с огнем «*четырежды окропила огнем четыре стороны света*» и т.д. (с. 101).

Писатель создал авторский образ своего рая, Верхнего Мира. Люди на этой планете настолько чисты, что любое касание руки земного человека грозит им гибелью, оскверняет все вокруг. Они так же, как и земные люди, подвержены страданиям, болезням, мукам. Случайно оказавшийся в Верхнем Мире Болот из рода очы, осознавая контраст чувств земных и небесных людей, начинает понимать, что он может уничтожить эту райскую планету. Герой понимает, что ему здесь не место, и с тоской смотрит на небо:

Тьма звезд, а одна среди них ярче других, ближе, живет. Мигает она Болоту зеленым глазком, зовет к себе. Родною, теплою кажется эта звезда Болоту, и сердце почувало, подсказало ему, что это — Земля его, мать родная (с. 99).

Он обращается ней с мольбой, просится обратно:

— *Земля моя! — ноги Болота ослабели и он упал на колени. — Колыбель моя! Я твоя частица, я сын твой! Ты меня родила, вскормила, вырастила. Зачем выронила меня, зачем обронила из-за пазухи, где жил я в тепле? Верни меня к себе, пожалей, помоги! Каждому камню твоему кланяться буду, каждый стебелек твой буду хранить. Что я дурного сделал, почему так сильно наказан? Ни одна мать звериная или птичья не погибла от моей стрелы, ни одно дерево живое не упало под моим топором, ни разу за всю свою жизнь не вспорол я, не порушил твой черный покров, дарующий жизнь... Если я сделал это — прости, мать-земля...* (с. 99).

Прибегая к приему кольцевой композиции, автор возвращает Болота в его земной мир: по ходу развития действия этому способствует девушка-шаманка, с «*большим, с доньшко чашки*», «алмазным» третьим глазом на лбу. Кроме черной собаки, только она смогла увидеть пришельца и предсказать беды от него Верхнему Миру:

...Со звезды, называемой землею, из среднего мира, где носят кушаки на поясице. Явился к нам нечистый. Наши беды, болезни — из-за него (с. 100).

Размышляя об устройстве мироздания, о природе окружающего человека мира, Дибаш Каинчин мастерски играет понятиями «сон» — «явь». Необычное путешествие Болота в Верхний Мир — «*Ўстиги Ороон*» — это путешествие в рай в видениях героя или во сне. Но пребывание в Верхнем Мире оборачивается для Болота страхом потерять семью, и семейно-бытовые проблемы (сварливая жена, ее упреки Болоту в неумении стать богатым) забываются, он не соглашается на предложение шаманки остаться и понимает, что его счастье — на земле. В финале рассказа Болот возвращается домой и потом в старости рассказывает о своем фантастическом путешествии детям, особенно, когда «бывает в ударе».

Тема рая звучит и в рассказе «Как Герася у нехристей ночевал» (1986). Всю свою жизнь главный герой этого небольшого рассказа и его предки, кержаки, строго соблюдали свою веру: старались не общаться с «нехристями». Герася помнил слова старца деда Кириллы: «*Нехристь, хоть русский, хоть какой — это не человек, — наставлял он. — Бес в ем волен. Особь не якшияся с расейскими. Они тебя...*» (Дибаш Каинчин, 2008, с. 87). Из-за инвалидности Герасю не взяли на фронт, и пришлось ему «*чертомелить все четыре года. Спину теперь разламывает, суставы болят, пухнут*» (с. 84)¹⁷. После войны он решается «перейти на пасеку», в надежде обрести земной рай. Но и здесь его ожидает разочарование: «*Думал, тут — рай. Пчела — не корова, много ли ей надо ухода. Да, как говорится, испугался пенька, а набежал на медведя. Так и у него получилось*» (с. 84).

Для глубинного раскрытия внутреннего мира Герасы автор вводит в рассказ сновидческое начало. Все переживания героя о предстоящей ночевке в чужом доме выливаются в удивительный сон, который можно отнести к «кризисным» снам. В рассказе сон помогает герою понять себя, переродиться. В ирреальном мире Герасы поднимается в небеса и видит рай таким, каким рисовало его воображение:

Сидит Герася на белом облаке высоко в небе. Напротив на таком же облаке сидит, поджав ноги, сам Христос в белых одеждах. Большие, глубокие, пронзительные у него глаза. Ничего от них не скрыть, ничего не утаить. Рядом — Богородица. И так она похожа на Прасковью в молодости... Да ведь это и есть Прасковья!

Поют ласковые, чистые голоса, пахнет летними цветами, свежим медом, птицы разноцветные перелетают. Совсем как в сказке!.. (с. 96).

¹⁷ Здесь и далее в круглых скобках приводятся ссылки на цитаты по изданию (Дибаш Каинчин, 2008).

В рассказе автор иронизирует по поводу христианских представлений Герасы о том, кто может попасть в рай. По мысли писателя, отдельные представители рода людского, хоть и не крещенные, более достойны вечного блаженства, чем некоторые крещенные. Например, Бедур-Федор:

И тут из-за облака вырос огромный мужчина. Весь израненный, в шрамах, а на шее у него — креста нет!

Бедур-Федор, воин и работник! Проходи прямо в рай! — Христос поднял руку, приветствуя великана.

Он же нехрист! — закричал Герася.

Знаю, — спокойно прозвучал голос Христа, — но он проливал кровь за Отечество, детей растил, работал честно, был человеком, а с крестом или без креста — неважно. Вот ты, когда у него в избе ночевал...

Чистым я вышел от него! — закричал Герася и свалился с облака, полетел, полетел и ...грохнулся с лавки на пол.

Сел, и так ясно стоял у него в голове сон... (с. 97).

В раю, созданном автором, Христос и Богородица приветствуют ничем не примечательного простого человека — некрещеного Бедура-Федора. Его заслуги перед Отечеством оцениваются выше, чем все старания Герасы остаться чистым, не осквернить себя. Этот рай небесный мало похож на тот, представления о котором создали предки Герасы. И устами этого героя автор ведет полемику с вековыми представлениями о рае, он убежден: чтобы быть счастливым, надо жить в собственном раю, который ты создал для себя сам. Библейский образ рая Герасы противопоставляется земному раю. Для Герасы рай — его пасека, хотя работы там много, но он там живет в своем мире, где отдых и блаженство зависят от него самого. Это его райский уголок, где существует гармония человека с окружающей его природой, душевный покой и безмятежность.

Тема «земного рая», как земного блаженства, звучит и в небольшом рассказе «Тууларыс јеринде» («А горы-то наши остались»). В нем повествуется о семье деда Федота, старовера, когда-то пришедшего в Закаутье и пустившего там свои корни, смешавшись с коренными жителями:

Будто в крепости жили за камень-горю Карганалу. И надежно ограждала их от всего чужого река родная Катунь. Отчуждено жили, замкнуто жили. Чтоб к ним не лезли, чтоб подальше от властей. <...> Вжились, выросли в эти горы (Дибаш Каинчин, 2012).

В рассказе тоже прослеживается авторское представление о рае земном: люди сами являются творцами «рая» и «ада» на земле. Писатель изображает мир, в котором осуществляются все мечты и желания людей:

Земли немерено, «сколь хошь», зверя и рыбы полно; бельчатиной кормили собак и, не хариус или таймень, рыбу отдавали курам да кошкам. Чем тебе не Беловодье... Работяги были, трудяги, вот через что у них достаток. <...> ... Дышали воздухом таежным, пили воду чистейшую из-под ледников, мёд ели прямо из сот. И, что скрывать-то, кровь маралью могли себе позволить (2012).

Дед Федот и его дети создали свой собственный рай на земле своим же трудом и были счастливы.

Дибаш Каинчин, используя богатую палитру языковой выразительности, раскрывает и концепцию ада на земле. Идиллическую картину «земного рая» в рассказе разрушает «земной ад» (революция, гражданская война):

Страшнее чумы ворвалась! Не отгородишься, не отстреляешься, тем более не открестишься. Так и пошло, будто пожар за пожаром: то красные, то белые, то красные... А то вовсе банда какая. И все на одно лицо — чужаки да разбойники. <...> Расшатали, исковеркали все и вся — и устои, и нравы... (2012).

Свои главные идеи автор выражает через сравнения: «страшнее чумы» (революция), «будто пожар за пожаром» (гражданская война), «матерого, что марал-рогач» (старший сын), «будто нелюдь какую» (убивали), «стал беднее мыши» и т.д.

Райский уголок для земных жителей, облюбленный и отстроенный по своему желанию и хотению, приобретает своего «хозяина» — все принадлежит теперь советской власти. Выжившие и оставшиеся в Закагунье навсегда потеряли свободу.

Как отмечает Т.Г. Артамонова, «подобно раю, ад у каждого жителя земли индивидуален. Это состояние физических и душевных мук в связи с трагическими обстоятельствами жизни» [Артамонова, 2019, с. 77]. Таков и рай, и ад у героев исследуемого рассказа. В разграбленное и опустошенное Закагунье пришел измученный и израненный войной бывший красноармеец Вася Васечкин. Здесь он находит кров у красавицы Раи, которая вылечила его, откормила, подарила свою любовь и поставила на ноги, как известно, «ад, в котором вспыхнула любовь — рай» [Касаткина, 2015, с. 123]. После четырехлетней кровавой войны заимка в Закагунье казалась для Васечкина раем: «*Рая, у тебя как в раю — счастлив Вася*» [Каинчин, 2012]. Земной ад для Василия превратился в земной рай. Ощущение счастья Васечкина подтверждает мысль о том, что человек сам творец своего рая на земле.

Глубокие раздумья о сущности, о природе мироздания звучат в небольшом по объему рассказе «Наш счастливый бег...» (Ди-

баш Каинчи, 2004а). В нем, в частности, представлена образно-смысловая оппозиция «жизнь» — «смерть» (именно в этот период (последнее десятилетие XX и начало XXI вв.) писатель много работал в художественных, публицистических и философских жанрах). В этом рассказе привлекает внимание образная форма и смысловое наполнение категории жизни и смерти. Размышления автора-мыслителя (повествование ведется от первого лица) о природе человека, об устройстве мира, о гусенице, стремящейся в «неизвестность», актуализируют оппозицию «жизнь» — «смерть». Повествователь воспроизводит конкретную незначительную ситуацию: Гусенице непременно нужно переползти через тротуар, перейти опасную дорогу, где «тьма машин», а дальше — тупик: ее ожидает «голая стена типографии». Но она все же с «рвением пересекала тротуар», «вся неистово извивалась, тело ее шерстистое, перекатывалось буграми» (с. 122)¹⁸.

...Ни малейшего шанса у ней остаться живою. Выходило, что она стремится к своей неминуемой Смерти. Хотя, представим, что ей удалось чудом переползти улицу. Думаете, там ждут ее гуци райские? <...> А может это извечный путь ее рода, пересеченный человеком, и она обязана «испытать свою чашу» (с. 122).

В рассуждениях повествователя воссоздается пространственная картина мира. Он понимает, что этот мир несколько иной, чем он представлял раньше. Раздумья о судьбе гусеницы приводят его к удивительным мыслям: «..По-моему выходило, что она в этот путь отправилась, не зная, Что ее ожидает. А может, зная?.. Едва ли... А я вот — Человек, стою над нею, и знаю, с огромной по сравнению с нею высоты своего роста, своих знаний, своего опыта — Что ее ожидает» (с. 122). Размышления о человеческом бытии, о своем месте в этом мире приводят к новому аспекту видения:

И тут мне невольно подумалось — может сейчас, именно в сей момент, Кто-то — Бог или само Небо-Тенгри — так же наклонился надо мною, и Он знает мою судьбу?! Может, я тоже спешу, поспеваю, как эта гусеница? Он ясно видит все, и это Ему нисколько не трудно... (с. 122).

Получается, и повествователь не знает, как и гусеница, что его ожидает: «Как никчемен я: мне не дано знать, что случится со мною хотя бы через час» (с. 123). Но он понимает и задумывается о первоначале мироздания:

¹⁸ Здесь и далее в круглых скобках приводятся ссылки на цитаты по изданию (Дибаш Каинчин, 2004а).

Или вот я наклонился над муравейником, нарушил ни за что муравьиную мирную жизнь. Мне ничего не стоит разорить... А может из Вселенной Кто-то так же наклонился над нашей Матерью-Землею? Испытывает: дай-ка, туда дуну, туда плюну, сюда ткну, тут устрою землетрясение, а тут посею вражду... Посмотрю, как они, людишки эти, гнида земная?.. Каким надо быть мудрым, какими обладать знаниями и опытом, чтобы понять сущность, закономерность всего этого Мироздания! (с. 123).

Рассказчик осознает, что живет в определенных временных границах (рождение — смерть) ощущает бесконечность окружающего мира через связь с другими персонажами произведения.

Одним из последних произведений Дибаша Каинчина стал рассказ «Рай» (Дибаш Каинчин, 2018), который так и не был опубликован при жизни писателя. В период накала политических страстей во время предвыборной кампании в регионе писатель забирает из издательства газеты «Алтайдын Чолмоны» свою рукопись. Только спустя девять лет семья писателя опубликовала рассказ в газете. Привлекает необычное название произведения — «Рай», что сразу вызывает интерес. Образ рая создается в размышлениях главного героя и дополняется в его сновидениях. И здесь снова автор вводит элемент онирического, позволяющего проникнуть в подсознательные напластования психологии героя, так как сверхъестественность природы сновидений предстает средством соединения реального, земного бытия человека и ирреального, мистического, потустороннего миров.

Повествование начинается с небольшого вступления. Главный герой рассказа Ырыс Ыргаевич никак не может забыть «тот случай», когда ему было всего три года (Ырысту переводится как Счастливый). События происходили в годы Великой Отечественной войны. В старенькой избушке в ожидании матери замерзает от мороза мальчик: *«Je Ырыстунын колы да, буттары да кыймыктабайт. Онын кол-буды агаши болуп калгандый — энгилбейт, бүктелбейт. Оны уур жүк базырып, шык этире орооп алган. Уйуктаар ла күүни келет. Артык не де керек жок. Je эмди уйуктаза јарт - ол качан да ойгонбос. Ондый сана-анан сүрекей коркымчылу да болзо, уйку Ырыстунаң бөкө, ол уйкуга удурлажып болбос деп билип јатты»* («Но у Ырысту ни руки, ни ноги не шевелились. Его руки-ноги стали как деревянные — не сгибаются, не сгибаются. Его словно придавил тяжелый груз, накрепко запеленал. Только хочется спать. Большие ничего не нужно. Но если он уснет сейчас — то он никогда не проснется. От такой мысли было так страши-

но, но сон был сильнее Ырыса, и он понимал, что не сможет сопротивляться сну») (2018)¹⁹.

Ырысту Ыргаевич в последние годы жизни стал задумываться о жизни после смерти: «Телекейде кажы ла неме — ончозы туулган баишту, койтон учту. Ёргүлји не де жок» («В мире всё имеет начало — рождение, конец — исчезновение. Вечно ничего нет») (2018) /здесь и далее смысловой перевод наш — У.Т/. Автор через размышления Ырысту Ыргаевича ставит вопрос о существованиирая и ада, но героя беспокоит еще и вопрос — попадет он в рай (если он есть) или нет: «Чындап та, бу ла тирүү жүрген кижии кенете ле канай жоголотон. Онон не де артар учурлу ине. О, Кудайга баш, ол р а й бар болзо кайдар...» («И вправду, как может внезапно исчезнуть вот этот живший человек. Что-то же должно от него остаться. О, Боже, хоть бы тот рай существовал...») (2018).

Эти мысли приводят героя к внезапному пониманию, что слова «рай» в алтайском языке нет, но если даже слова такого и нет, есть понятия, с ним связанные: «ол јер» («та земля»), «ол алтай» («тот алтай»), «ак чечектү алтай» («с белыми цветами алтай»), «ада-өбөккө јери» («земля предков»), «айланбастын јери» («место невозврата»), «ак булуттын үсти» («поверхность белого облака»), «јаан боочыны ажа берди» («перевалил большой перевал»), «тустай берди» («ушел за солью») или «јакиши јер» («хорошая земля») «амыралтанын јери» («место покоя»). При мысли о том, что эти места иногда могут и не соответствовать раю, Ырысту Ыргаевича вдруг озарило: «Ээ, «Ўстимде турган Көк» дейтени бар туру ине! Онын карган энези тенгери унчукса ла, түүнүк јаар кангас эдип, түрген ле: «Кайрако-он, баш...» — деп, тундартын сыймаар...

Табылды, табылды. Таптым, таптым! «Ўстиги ороон» деп онгомол бар туру ине! Р а й дегени ол! Кудайга баш, ол р а й бистерде, алтайларда да, бар туру ине» («Ээ, оказывается есть еще «Синь, стоящая надо мной!» Старая мама, как только небо заговорит, поднимала голову к дымоходу и быстро произносила: «Кайрако-он, баш...» и гладила свои косы...

Нашлось, нашлось. Я нашел, я нашел! Это же понятие «Ўстиги ороон!» Оказывается это и есть рай! Рай есть и у нас, у алтайцев») (2018).

Здесь справедливо можно привести слова: «...Творя добро, человек в этот миг и этим самым действием распахивает дверьрая, творя зло — дверь ада, выпускает эти формирующие пространство сущности

¹⁹ Здесь и далее в круглых скобках приводятся ссылки на цитаты по изданию (Дибаш Каинчи, 2018).

в область «срединного мира», оказывается — вместе с окружающими его и причастными его действию — в раю или в аду, которые открываются при этом как истинное лицо земли. Да и сам человек приобретает райские или адские черты, гармонизируя или искажая произведенным действием свою природу» [Касаткина, 2015, с. 115].

Устами своего героя Ырысту Ыргаевича автор уверенно говорит о существовании и ада: *«А бот ад дегени чын бар. Мында бир аланзу жок. Онызы - Алтыгы ороон дегени. Эрлик-Бийдин бийлеген ай-каракчы жер-таамызы. Айланбастын жери. Бй-сыгыттын, шыра-кинчектин жери»* («А вот **ад** точно есть. Здесь нет даже сомнения. Это — Нижний Мир. Темные подземные владения Эрлик-бия. Земля невозврата. Плача, горя-мучений») (2018). Ведь в Нижний Мир попадают люди, совершившие тяжкие преступления в лунно-солнечном Алтае.

Перед глазами Ырысту Ыргаевича проходит вся его жизнь. Началом его карьеры была должность комсорга в пединституте, затем райком комсомола, райком партии, обком партии, пережил распад СССР, работал в составе первых лиц Правительства Республики. Даже приходилось работать и в быткомбинате, и руководить энергосетью. В период «перестройки и гласности» Ырыс Ыргаевич оказался в *«очень нужном месте»*. Он был у власти и не был обделен ничем: появились машины, квартиры, счета, драгоценности и бриллианты. И нажито это было далеко не честным трудом. Но герой пытается убедить себя, что его вина не столь тяжела, что *«нет человека без единой вины, белого как молоко и с чистыми мыслями»*: Теперь его мучила только одна мысль: *«Салым санаа ээчиир. Жагыс ла санааркаткан санаа — бу мыны ончозын кемге артырар...»* («Судьба идет вслед за мыслями. Только беспокоила одна мысль — кому все это оставить...») (2018). Он стал бояться, что люди узнают о его «нажитом» богатстве, что могут все отнять: *«Мынызы ас — карангуй жаар калыраткылап та ийип айабас. Мынызы ас — мандайынга ок эмезе ۆзөгине — корон. Машинаг да жар ажып айабас... Же оног сананып ийзенг, ол акча-жөбжө дө не керектү. <...> «Ол жер» жаар ийненинг сыныгын да апарып болбозыг. <...> Канайып ла баалу кийин, ала-чоокыр жаран — көлөткөн түңгей ле кара болор»* («Этого мало — могут в темноту (тюрьму) отправить. Этого мало — в лоб пулю или яд — в желудок. Машина с обрыва может сорваться... Если так подумать, то зачем нужны деньги и богатство. <...> В «тот мир» осколка иглы даже не сможешь унести. <...> Хоть как дорого оденься, нарядись красиво — тень твоя все равно будет черной») (2018).

Ырысту Ыргаевич чувствовал приближение смерти и часто находился на грани яви и сна, мучительных бессонниц и зыбкого полусна.

В умирающем герое звучит голос совести, и он, наконец, дает реальную оценку своей жизни, действиям и поступкам. Для него приближающаяся смерть стала своего рода лакмусовой бумагой, «проявляющей» все хорошее и плохое в бытии героя. Здесь согласимся с высказыванием, что «эстетическое, сюжетное, самоценное движение — движение в прошлом, которое ценно помимо будущего, в котором прощены все обязательства и долги и все надежды оставлены» [Бахтин].

Писатель изображает смерть своего героя «не только извне, но и изнутри, то есть из самого сознания умирающего человека, почти как факт этого сознания. Его интересует смерть для себя, то есть для самого умирающего, а не для других, для тех, которые остаются» [Бахтин]. Как и Лев Толстой, Дибаш Каинчин изображает смерть изнутри, что для всего творчества писателя становится новым явлением.

В финале рассказа опять тот же сон, увиденный героем в детстве: ему становится очень холодно, но появление матери окружает его теплом и заботой. Маленький Ырысту сидит на ее коленях, чувствует материнскую любовь. Он оказывается в «Верхнем Мире», в раю, рядом с матерью. Совесть и помыслы героя при жизни, осознание своих поступков и испытание чувством вины, раскаяние открывают ему дорогу к предкам в рай. Смерть героя в рассказе оставляет надежду на его духовное обновление. Онирическое начало в рассказе соседствует с мотивами холода, вьюги, мотивом памяти.

Подводя итоги, можно сказать, что образы «рая» и «ада» появляются на заключительном этапе творчества Дибаша Каинчина, и это стало новым явлением в алтайской литературе. Своеобразие «рая» и «ада» в рассмотренных рассказах проявляется, прежде всего, на концептуальном уровне: их трактовка неоднозначна, их интерпретации имеют разную природу. В рассказе «Как Болот в космос летал» образ рая отражает алтайскую картину мира, восходит к алтайской мифологии. В рассказе «Как Герася у нехристей ночевал» рай связан с библейскими (новозаветными) мотивами, а авторская позиция — с лесковской концепцией праведничества. В рассказе «А горы-то наши остались» рай — это любовь, мирная жизнь, созидательный труд, а ад — это ненависть, война, разруха. То есть и рай, и ад — грани земной жизни. Наконец, в рассказе «Рай» автор приходит к мысли, что жизненные цели и дела человека — это путь либо в рай, либо в ад, здесь человек торит себе дорогу сам. Все эти столь разные интерпретации образов рая и ада объединены общим идейным содержанием: с раем связаны темы и мотивы добра, любви, труда, мирной жизни, красоты; с адом — темы и мотивы

ненависти, вражды, войны, разрухи, страданий. Итак, рай и ад у Дибаша Каинчина — это либо ментальные образы, восходящие к мифологическим или библейским представлениям, либо психологическое/психическое состояние счастья, радости или страдания.

Библиографический список

Артамонова Т.Г. Образы рая и ада в философских произведениях Марка Твена // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 12. Вып. 6. Тамбов, 2019.

Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности (глава «Временное целое героя»). URL: <http://www.infoliolib.info/philol/bahtin/1.html>

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Собрание сочинений. Т.6. М., 2002.

Касаткина Т.А. Образ пространства: рай и ад в произведениях Ф.М. Достоевского 1860-х годов // Священное в повседневном: Двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского. М., 2015.

Рабош В.А., Солдатов А.В. Структура мироздания в художественной и научной картинах мира // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. СПб., 2014.

Текенова У.Н. Художественный мир Дибаша Каинчина. Горно-Алтайск, 2012.

Источники

Каинчин Д.Б. Как Болот в космос летал // Лунная соната. Горно-Алтайск, 2004.

Каинчин Д.Б. Наш счастливый бег... // Лунная соната. Горно-Алтайск, 2004а.

Каинчин Д.Б. Как Герася у нехристей ночевал // Живу и верую. Горно-Алтайск, 2008.

Каинчин Д.Б. А горы-то остались // Звезда Алтая. Горно-Алтайск, 2012.

Каинчин Д.Б. Рай // Алтайдын Чолмоны. Горно-Алтайск, 2018.

References

Artamonova T.G. *Obrazy` raya i ada v filosofskix proizvedeniyax Marka Tvena* [Образы рая и ада в философских произведениях Марка Твена]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy` teorii i praktiki*. [Philological Sciences. Questions of theory and practice]. Т. 12. Tambov, 2019. Iss. 6.

Bahtin M.M. *Avtor i geroy v esteticheskoy deyatel'nosti*. [The Author and the Hero in Aesthetic Activity]. URL: <http://www.infoliolib.info/philol/bahtin/1.html>

Baxtin M.M. *Problemy` poe` tiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. In: *Sobranie sochineni*. [Collected works]. T.6. Moscow, 2002.

Kasatkina T.A. *Obraz prostranstva: raj i ad v proizvedeniyax F.M. Dostoevskogo 1860-x godov*. [The image of space: heaven and hell in the works of F.M. Dostoevsky in the 1860s]. In: *Svyashhennoe v povsednevnom: Dvusostavny`j obraz v proizvedeniyax F.M. Dostoevskogo*. [Sacred in everyday life: A two-part image in the works of F.M. Dostoevsky]. Moscow, 2015.

Rabosh V.A., Soldatov A.V. *Struktura mirozdaniya v xudozhestvennoj i nauchnoj kartinax mira*. [The structure of the universe in the artistic and scientific pictures of the world]. In: *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena*. [Izvestia of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen]. St. Petersburg, 2014.

Tekenova U.N. *Xudozhestvenny`j mir Dibasha Kainchina*. [The artistic world of Dibash Kainchin]. Gorno-Altajsk, 2012.

List of sources

Kainchin D.B. *Kak Bolot v kosmos letal*. [How Bolot flew into space]. In: *Lunnaya sonata*. [Moonlight Sonata]. Gorno-Altajsk, 2004.

Kainchin D.B. *Nash schastlivy`j beg...* [Our happy run...]. In: *Lunnaya sonata*. [Moonlight Sonata]. Gorno-Altajsk, 2004a.

Kainchin D.B. *Kak Gerasya u nexristej nocheval*. [How Gerasya spent the night with the infidels]. In: *Zhivu i veruyu*. [I live and believe.]. Gorno-Altajsk, 2008.

Kainchin D.B. *A gory` -to ostalis`*. [But the mountains remained]. In: *Zvezda Altaya*. [Star of Altai]. Gorno-Altajsk, 2012.

Kainchin D.B. *Raj*. [Paradise]. In: *Altajdy`n — Cholmony`*. [Altai — Cholmon]. Gorno-Altajsk, 2018.